

Николай Ващилин

**ЗАПИСКИ
ПУТЕШЕСТВЕННИКА**

Всё включено

Николай Ващилин
Записки путешественника.
Всё включено

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21235489
ISBN 9785448321764*

Аннотация

Мечта о путешествиях живёт в каждом человеке, но особенно желанной она стала в СССР за «железным занавесом». Те редкие случаи, в которые мне удавалось ускользнуть за рубеж милой Родины, я не мог не оставить в коротких записках на оборотной стороне гостиничных счетов и проездных билетов. Когда ещё так повезёт?

Содержание

Об авторе	5
Утро в Венеции	6
Курортник	12
Кода	20
Как проехать в Вильфранш	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Записки путешественника

Всё включено

Николай Вацилин

© Николай Вацилин, 2016

ISBN 978-5-4483-2176-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Об авторе

Николай Ващилин, родился 07.04.1947 года в Санкт-Петербурге /Ленинграде, СССР/

Каскадёр, постановщик трюков, инженер, закончил ЛИАП в 1972 году, мастер спорта СССР по самбо и дзюдо, вице-чемпион СССР 1965,1967, чемпион всесоюзного первенства спортобщества Zenit, 1971, призёр первенств г Ленинграда с 1965 по 1974 годы. Доцент кафедры физвоспитания ЛГИТМиК, к.п.н., руководитель курса трюковой подготовки актёра с 1973 по 1984 годы, проректор ВИПК ПТО по 1995, заместитель председателя правления студии ТРИТЭ Никиты Михалкова, директор баскетбольного клуба «Спартак», член Союза кинематографистов РФ, член Союза российских писателей, член Дома учёных М. Горького Академии наук РФ.

Утро в Венеции

Если бы мне было позволено дать вам совет о сказочном путешествии, то я бы рекомендовал вам побывать в Венеции утром. Самым ранним утром. Это волшебство. Магия.

Прошло пятнадцать лет с того момента, когда я попал в Венецию впервые в 1989 году. Тогда я приехал в Венецию на три дня и поселился в гостинице, зажатой узкими улочками возле церкви. Каждый час били в колокол, не давая мне уснуть. Тот приезд мне запомнился одной демонической ночью, в которую я блуждал по тёмным пустынным улицам и никак не мог найти своей гостиницы. А когда с первыми лучами солнца я её отыскал, то спать уже было поздно, иначе я бы потерял драгоценный день пребывания в Венеции. Откуда она вообще взялась в моём мозгу? Это всё Ося Бродский, который ею бредил и заразил меня её каналами, лагуной и звоном венецийских колоколов.

В 2002 я приехал в Венецию поездом из Рима. Не пожалев денег на спальный вагон я за пять часов пути прилично отдохнул. Венеция ещё спала в предутреннем сумраке. С вокзала я решил добраться до пьядца Сан Марко и выпить там свой утренний кофе. У меня не было вещей. Одна лёгкая кожаная сумка, о которой я мечтал всю жизнь, которую

носят на плече и которую я купил себе в подарок в Риме на своё шестидесятилетие. Да ещё моя спутница, ради которой я и приехал в Венецию.

Сквозь сеть венецианских улочек и каналов я пробирался на запах свежей рыбы от моста Риальто, как кокер-спаниель. Каналы были зеркально-прозрачны. Все гондолы отдыхали на волнах возле набережной Неисцелимых. Улицы были тихи и пусты, как каналы. В окнах венецианских домов ещё не слышался перезвон «сервизов чайных».

Так в полумраке мы дошли до рыбного рынка. В свете фонарей сверкали чешуёй большие и мелкие рыбы, таранились щупальцами лангусты и переливались перламутром открытые раковины. Народу было много, но никто не кричал не нарушая утренней тишины. Гранд-канал с высоты моста Риальто был похож на стеклянную зеленоватую ленту, изгибающуюся перед роскошными палаццо и вытекающую от стеклодувов на острове Мурано. Пройдя по набережной, мы свернули направо в узкую улочку. Двери бесчисленных пустынных баров были закрыты. Витрины магазинов смотрели на нас гирляндами подарков, сулящих детскую радость. Ювелирная лавка сверкала не спящими бриллиантовыми глазками.

Как на широкий плёс, мы вышли на пустынную площадь,

местами залитую огромными лужами от прилива, освещённую первыми нежными лучами солнца, обрамлённую стройной колонадой прокураций и сверкающую куполами базилики Сан Марко. Даже голубей на ней ещё не было. Чтобы не ломать эту сказочную тишину мы тихо прошли по галерее мимо кафе «Флориан», ещё погружённого в прохладу утренней тени и вышли к пале Дожей. Яркий утренний свет восходящего солнца струящийся со стороны лагуны заставил прищурить глаза. Низкий гул огромного парома встряхнул тишину и возвестил о наступающем дне. Как по команде зазвенели сотни колоколов на Венецианских храмах. Лениво прилетали первые маленькие стайки голубей. Здесь, в утренних лучах солнца было тепло и уютно. Полусонные, в белых морских френчах, официанты гранд-кафе «Къёджа» стали расставлять столики на площади и накрывать их белоснежными скатертями. Из галереи полились хрустальные звуки рояля. К качающимся на волнах гондолам потянулись цепочкой гондольеры. Со своей колонны на них строго взирал крылатый лев Святого Марка.

В этой акварельной пустоте звуки хлюпанья волн о чёрные лакированные борта гондол напоминали утреннее умывание. Официанты сновали между столиками, не забывая о первых посетителях. Мы попросили два капучино и наслаждались звуками утренней Венеции. Аромат кофе благоухал над площадью Сан Марко, смешиваясь с ароматом морского

бриза. Глоток горячего нектара покатился внутрь, оживляя и пробуждая всё тело.

Постепенно площадь стала наполняться разноязыкими толпами шаркающих туристов, к которым слетались проголодавшиеся за ночь, голуби. Туристы покупали зёрна и голуби торопливо садились им на плечи, чтобы поскорее пропустить по зёрнышку. Венецианцы прятались от них в своих магазинчиках и барах, чтобы продать им чего-нибудь и выручить денег на хлеб с оливковым маслом. Так и живёт этот театр в своих винтажных декорациях на берегу лагуны уже много столетий. И много столетий плодятся в нём артисты разных мастей – статисты, характерные типажи и звёзды мирового уровня в ранге Марко Поло. И ведь не соблазнишь их бросить своё размалёванное болото, где они каждый день ходят по колено в воде прилива и болеют от сырости и заселить в приволжские степи, где сухо и тепло.

Уходить не хотелось. Я попросил официанта к кофе глоток ликёра и он стал ещё вкуснее. Незаметно столики вокруг заполнились посетителями, и официанты забегали быстрее. Тапёр резче застучал по клавишам, отбивая бодрый ритм утреннего марша любителей прекрасного. Снова зазвонили колокола. Гондолы, переполненные туристами, расплывались по узким венецианским каналам. Наступил обычный шумный венецианский день, который галдит, звонит, переливается разными красками, вздыхает мехами аккордеонов,

благоухает ароматами пиццы, морских водорослей и кофе и неизвестно когда кончается. И если бы не было этого сказочного тихого утра мы бы никогда не узнали, кончается ли он когда –нибудь вообще. Бон жорно, сеньоре.

P.S. Вы хотите спросить, как вам застать такое раннее утро в Венеции? Я вам открою тайну. Ведь в любом музее вас вечером вежливо попросят покинуть помещение и плотно закроют за вами двери, оставив шедевры в таинственной тишине. В Венеции вас вечером никто не выгонит. Дождитесь вечера. В сладостном томительном ожидании шумная толпа туристов не покажется вам назойливой и раздражающей. Вы проводите их на парходики и поезда с таким радушием, с которым не провожали даже близких родственников. Под звонкий перезвон колоколов венецийских церквей вы даже всплакнёте немного от тоски, когда их парходики и поезда исчезнут в ночной мгле.

Теперь проводите одиноких прохожих, спешащих в свои венецианские квартирки и палаццо. Проводите по узким улочкам и каналам уставших туристов и помогите им отыскать свои маленькие уютные номера в гостиницах. Нет, нет. Не разбрасывайтесь деньгами и не снимайте в них номер. Идите в ночной тишине по пустынным венецианским улочкам, пересекая по горбатым мостикам каналы с тёмной струящейся водой. Послушайте грустное хлопание носами осиротевших гондол. Загляните в приоткрытую дверь какой ни будь церкви и отдохните немного на скамеечке, пробежав

глазами по росписям на стенах и попросив помощи Божией. И идите в сторону Сан-Марко. Идите через мост Риальто. И если заметите тени на набережной Гранд канала, не пугайтесь. Это не призраки. Это торговцы рыбой уже приехали на рыбный рынок. Прибавьте шагу. Идите встречать утро. Вы будете первыми....

Курортник

После защиты диплома в феврале 1972 года хотелось гульнуть так, чтобы вспоминать об этом всё оставшуюся жизнь. Прошли шесть лет мучительного поглощения знаний. Почти всухомятку. Были, конечно, и весёлые каникулы, и яркие встречи. Но всё равно, хотелось себя чем-то наградить. В голову ничего сверхъестественного не лезло. Как не встряхивал я свои мозги, рисунок калейдоскопа был одним и тем же – Сочи, Сочи, Сочи. Зимой – Сочи, летом – Сочи, граждане, ну голова ж болит. За границу тогда не ездили, а если ездили, то пробивать это через партийные комитеты всех рангов нужно было не один месяц. И не два. И ещё не факт, что какой-нибудь козёл в парткомиссии не позволит покидать пределы СССР, чтобы своими антисоветскими взглядами не опозорить моральный облик строителя коммунизма. Отпускали за границу в основном рабочих. И тут подвернулся мне один умник по имени Миша Губкин из прослойки партийной интеллигенции, который только что вернулся с Чегета. Он с женой купил путёвку в Турбюро на улице Желябова на турбазу в Азау за 74 рубля на человека и рассказывал в компании свои впечатления: лучше гор могут быть только горы! Он был немногословен. Партийная этика! К тому же он был такой загорелый, как будто побывал в Африке. Мысль эта упала в благодатную почву моего со-

знания, воспитанную хемингуэевскими Снегами Килиман-джаро и начала быстро вызреть. Путёвки в турбюро оказались в ассортименте и я взял две. Моя фантазия быстро создала сногшибательный план – две недели на Чегете завершить лыжным спуском к Чёрному морю в родное, обжитое Сочи. За это время водичка в море прогреется и «поспеют вишни в саду у дяди Вани». С Марком мы стоворились быстро. Долго уговаривать на вкусное его было не нужно.

Самолёт Ил-18, мерно жужжа своими моторами, принёс нас к подножию Чегета в Пятигорск и через час виляний по Баксанскому ущелью вдоль горной речки, полноводной минералкой Нарзан, с чувством лёгкого подташнивания мы очутились в раю. Кругом, заслоня небо, высились снежные вершины гор, вдоль реки росли зелёные ели и сосны, из которых выглядывал уютный домик, маня тёплым жёлтым светом сквозь замороженные окна.

Встречали нас местные абреки, бородатые ангелы гор, жадными глазами оценивающие приехавших девчонок. Мне это как-то сразу не понравилось. Моя молодая жена должна принадлежать только мне. Но кроме меня так больше никто не думал. В холле гостиницы новобранцев уже поджидала стая московских самцов с обгоревшими носами, которая набросилась на девушек с любезными предложениями поднести в номер их вещи. Белокурую привлекательную мою жену быстро окружили доброхоты, рассказывая ей разные небылицы. Она хлопала своими заиндеветшими ресницами, пе-

реводя свои голубенькие глазки то на одного, то на другого кавалера. Я ринулся к ней, но пробиться сквозь стаю голодных кобелей оказалось не просто. Схватив одного из них за воротник, я швырнул его в сторону. Задев стол, он полетел через расставленные на полу сумки и чемоданы и угодил головой в торшер с цветами. Вечеринка началась. Горшки, с грохотом разлетевшиеся по полу, засыпали всё землёй. На меня сыпались упрёки и сверкания глазами. Жена стояла как оплёванная, не понимая кто посмел испортить ей такой горячий и заслуженный приём.

– Вася! -разлетелся истошный вопль по ущелью.

– Что с тобой?

– Ты жив?

– Голова, как твоя голова?

– Мы его сейчас.

Я стоял, как одинокий утёс, набывшись и тяжело дыша. «Ангелы гор» налетели на меня со всех сторон и повисли на моих руках. Вася поднялся с добродушной улыбкой и, потирая затылок, растерянно произнёс

– Я хотел только...

Дружный смех снял напряжение. Все понимали, чего он хотел «только» и с ухмылками поглядывали в мою сторону. Я взял свою сумку и пошёл за семенящей, раскрасневшейся женой в свой номер. Там перед открывшейся панорамой Баксанского ущелья я узнал, что опозорил её этой хамской выходкой и что она от меня уходит. Куда – не сказала. Мне

ничего не оставалось, как спуститься в холл.

У барной стойки прилетевшие со всей страны девушки щебетали с обгоревшими на солнце парнями и пили через трубочки живительную влагу с заграничным названием – коктейль. Я вышел на улицу. Мороз, горы, звёзды, тишина.

На следующее утро Вася протянул мне руку и сказал, что я его неправильно понял и что он желает нам счастья и здоровья. Оказалось он носил широко известную фамилию Аксёнов и считал, что ему многое позволено. Когда жители гостиницы потянулись с лыжами к подъёмнику, мы с Васей обнаружили общность в отсутствии этой страсти и сопровождали постояльцев на гору до кафе «Ай». Кафе со сногшибательной панорамой на вершины гор Кавказского хребта славилось тем, что от рюмки коньяку на такой высоте можно было балдеть весь день. Встретить здесь можно было всё высшее общество строителей коммунизма. Модное было местечко. Первый раз спускались пешком, по пояс утопая в снегу. Ехать вниз на подъёмнике на Чегете считалось дурным тоном. Мимо со свистом пролетали лыжники. Потом, потеряв всякий стыд, вниз мы ездили на подъёмнике, наслаждаясь запахом снега, причудливыми изломами гор, звенящей тишиной, время от времени прорезаемой шуршанием снега из-под пролетающих под нами слаломистов.

Мы с Васей оказались одинаково прохладными любителями лыжных виражей и ежедневно после проводов обезумевших и склонных к фанатизму людей в ортопедических бо-

тинках на гору встречались на террасе гостиницы, устраивались в шезлонгах и вели непринуждённые беседы, причмокивая коньяк из карманных никелированных фляжек и посасывая трубки, набитые голландским табаком. Или уж совсем потеряв чувство реального, раскуривали кубинскую сигару, скрученную вручную на ляжке самой обворожительной жительницей острова свободы, вдыхали с дымом запах её тела, смешанного с бризом Карибского моря. В ту пору поголовного иллюзионизма эти сигары продавали даже в баре гостиницы «Иткол», в нагрузку к порции кубинского рома со льдом. Такое было изобилие роскоши в СССР. Слаломист из ГДР, заказав порцию рома и получив сигару в нагрузку, лишился дара немецкой речи и перешёл на абхазскую. Такое вот Вавилонское столпотворение происходило перед коммунизмом в Баксанском ущелье. Я уж не говорю о других районах нашей бескрайней Родины.

Вася выпрашивал меня о моей жизни. Ему, как писателю, всё казалось интересным. О себе он рассказывал мало и только в контексте. Я рассказывал ему о своих планах поехать после Чегета в Сочи и позагорать там на весеннем мартовском солнышке. Мой приятель Марк Крейчман уже туда прилетел и ждал меня в «Приморской». Вася слушал мои мечты, развесив уши, и не верил, что в стране коммунистической диктатуры можно устраивать себе такие «сафари». Своё детство Вася провёл в Сталинских лагерях вместе с мамой, Евгенией Гинзбург, и у него сохранялся животный

страх перед властью. Я же с ней играл, как балованный ребёнок. Дети доверчивы и не чувствуют опасности. О Красной поляне тогда слышали немногие туристы в Сочи, но до Агурских водопадов, горы Ахун или озера Рица добирались все. Подводные ныряния с аквалангами на причале Бзугу в те времена были такой же экзотикой, как полёт в космос. Вечерние танцы на одиннадцатом этаже нового корпуса «Интуриста» ещё не называли дискотекой. А загорать среди цветущей сакуры сочинского дендрария и лениво подкармливать павлинов просто никому не приходило в голову. У шахтёров было в почёте сдавать картишки на гальке у самого синего в мире Чёрного моря. Про теннисные матчи на Ривьере или футбол с Олегом Блохиным на школьной спортплощадке у «Приморской», об утреннем кофе с миндальными пирожными на террасе он слушал вяло и рассеянно. А вот когда я рассказывал, как Марик клеил девчонок, Вася забывал причмокивать коньяком и попыхивать трубкой. Трубка гасла и он раскуривал её вновь, переворачивая вверх тормашками. Вася бывал в Сочи, но что там так много интересного, он себе не представлял.

На другой день идти на гору не было сил и мы с Васей остались загорать на террасе. Подъехал автобус и из него вышел одинокий гражданин с новокупленным чемоданом. Он был последним туристом из этого заезда. Из Свердловска долететь вовремя до Пятигорска было делом не лёгким. В считанные минуты он разместился и в чёрных семейных

трусах был уже на террасе и угощал нас дорогим коньяком «КВ». Семён оказался сталеваром и за ударный труд был награждён бесплатной месткомовской путёвкой на турбазу «Иткол». Ещё бы несколько рекордных плавков и он бы поехал в ГДР, как его бригадир. Осушив бутылку мы засобирались. Загорать на горном солнце долго было небезопасно. Можно было сгореть. Оно богато ультрафиолетом. Наш новый друг из Свердловска пропустил предостережение мимо ушей, не придав этому факту никакого значения. Привык жариться у Мартеновских печей. Привычка – дело житейское. А мы с Васей разбрелись по номерам, соснуть часок под коньячные грёзы.

Разбудил нас вой сирены скорой помощи. В холле гостиницы толпа возбуждённых туристов сострадательно пересказывала историю ожога жадного до загара новобранца. Его, как сквозь лупу опалило лучами палящего горного солнца и он покрылся волдырями. Оказалось он уснул в шезлонге и проспал на солнце до захода, пока его не начало лихорадить.

В веселии и приплясываниях прошли две недели. В «Итколе» готовились встречать новую смену и пополудни загоревшие и отдохнувшие постояльцы высыпали с вещами на улицу. Площадь перед отелем напоминала восточный базар. Прощально шатались на баксанском сквознячке лапы вековых елей. Подошёл краснобокий Икарус и все начали укладывать свои сумки в багажное отделение. Весело под-

катила белая Волга «Скорой помощи» и из неё выскочил наш обгорелец. Восторг и радость охватила толпу. Облапав трёх подвернувшихся баб, Семён слетал в камеру хранения за своим уголком, вихрем влетел в автобус и сел на первое кресло рядом с водителем. Лицо его светилось радостью предстоящей встречи с родными и близкими. Скрывая её из-за природного стеснения, он прятал обгорелое лицо за чемоданом, прочно стоящем на его рабочих коленках. Ему не терпелось рассказать дома свои впечатления об отдыхе на модном горнолыжном курорте. На предложения шофёра поставить чемодан в багажное отделение Семён не отвечал, а только улыбался каким-то только ему знакомым видениям. Он утопал в мыслях о своём.

Кода

Евгению Мравинскому – великому музыканту, озвучившему нашу жизнь.

Прошёл июнь, как отзвенела песня
ночам оставив отголосок светлый
Но к середине лета он исчезнет
Как пепел встреч, прошедших незаметно.

В среду улетаю. Не провожай меня. У тебя могут быть неприятности. КГБ меня пасёт. Писать не буду по этой же причине. Если сможешь, зайди как-нибудь к матери. Твой Аркаша Плотницкий.

Я спрятал записку в карман и полез втискиваться в подъехавший автобус.

Лето стояло жаркое. Уже двое моих друзей решили иммигрировать. Вот и Аркаша уехал. Мы познакомились в университете на лекции Льва Гумилёва «Этногенез и биосфера Земли». Я был в шинели с длинным, горчичного цвета, шарфом. Аркашка с Юрой Шестовым носили волосы до плеч и подъехали на синей трёхколёсной инвалидской коляске, разрисованной красными маками. Они как и я хипповали и были диссидентами. На этой почве мы и сошлись. Юрка

был женат на студентке Нине, дочери известного скульптора Михаила Аникушина, который по поручению ОК КПСС и лично Г.В.Романова к пятидесятилетию советской власти водрузил на Московском проспекте десятиметрового Ленина с протянутой рукой.

После установки Ленина, его мастерская на Песочной набережной, больше похожая на ангар для самолёта, пустовала и мы устраивали там философские сходки под музыку «Хеа», «Ролинг Стоунз» и «Айрон баттерфляй». Аркашка с Юрой учились на матмехе и все американские студентки университета были у Юры желанными гостями. В мастерской, больше похожей на ангар для самолёта, валялись гипсовые руки, ноги и головы Ленина с разными выражениями лица, на которых мы и рассаживались в обнимку с девчонками и слушали их мистические рассказы о жизни в Америке. Моя Аби из Нью-Джерси дралась за место на высоком лбу Ленина и, чтобы погладить её тугие бёдра, мне приходилось ковыряться в ухе у вождя своим грязным ботинком.

Скульптор Аникушин был членом бюро ОК КПСС, и когда Юрка отвалил в Америку, и вскрылись наши антисоветские сходки, он чуть не застрелился. Или его чуть не застрелили. Точно не помню. Помню, что меня хотели выгнать из ЛИАПа. У меня оказался допуск в секретные лаборатории. Вызвали в первый отдел и какой то шуплый, бесцветный кагэбэшник тянул из меня жилы. Как они узнали? Так и узнали. Стукачами полнится русская Земля. Спортивная

кафедра взяла меня на поруки. Я входил в сборную СССР, а такие спортсмены на дороге не валяются. Как послушные патриоты, готовые выполнить любой приказ, любого правительства.

Шаркать по Невскому без Аркаши будет скучновато. Мы одинаково слышали многие звуки. Найти приятеля мне было не легко со времён игры в песочнице. Плохой был у меня характер. Не уживчивый. Особенно с дерьмом.

Асфальт разогрелся до мягкости теста. Обычно после работы мы ехали на Петропавловку или в Приморский парк. Освежиться в прохладных невских струях, промчаться на лыжонках, ухватившись за фал катера. Или ехали на электричке в Курорт, гонять в футбол по пляжу. Там всегда собиралась компания. Но к лету обычно все разъезжались на курорты – Сочи, Ялта, Юрмала. После окончания ЛИАПа я работал там же на кафедре и отпуск всегда был летом. Летний отпуск в СССР был наградой передовикам производства. Лохи отдыхали зимой и не знали, чем себя занять, кроме зимней рыбалки и игры в домино. Домино, домино. Ну и танцы-обжиманцы, конечно. Те, кто работал хорошо – ехал летом к морю покрываться бронзовым загаром и потом ловить на себе завистливые взгляды. А может и соблазнить кого—нибудь на большее.

В июле 1973 я поехал на Рижское взморье, в Юрмалу. Посоветовал мне туда поехать Лёша Людевиг, альтист из симфонического оркестра Ленинградской филармонии.

Мы с ним приятельствовали. Познакомились мы у Дома книги, вернее в ресторане «Чайка», который находился рядом и куда мы частенько заходили выпить пива или чего-нибудь поесть. Свёл нас Аркаша Плотницкий. Лёша купил у меня книгу «Ницше против Вагнера» и с тех пор мы стали родственными душами. Нет, дружбы между нами не было. А приятные разговоры были. Совсем не о музыке. О книгах, об одежде. Когда он с оркестром выезжал на гастроли, то я делал ему какой-нибудь заказ. Так и ему и мне было выгодно. Не нужно было бегать по городу и унижаться, продавая привезённые на продажу, вещи. Для артистов, спортсменов и моряков заграничания были основным источником дохода, позволявшего скопить денег на машину или кооперативную квартиру.

Иногда Алексей по благу приглашал меня на репетиции в Филармонию. Никакого эстетического удовольствия от музыки я не испытывал, но атмосфера недозволенности влекла и обволакивала. На балконе собиралась избранная ленинградская молодёжь, девочки из интеллигентных семей, миленькие студентки консерватории и бог знает кто ещё. Тусоваться там было не удобно. Все соблюдали тишину и внемлили звукам. Но настроившись глазками во время репетиции, на выходе было легче подкатить к девчонкам и пригласить их на чашечку кофе в «Европу». Главной забавой для меня было наблюдать за тем, как ведёт репетицию Евгений Мравинский. Иногда я заходился глухонемым хохотом от его вы-

волочек музыкантам. Они покорно глотали все его упрёки, многие из которых больше походили на прощание перед расстрелом. Однажды, остановив репетицию, он велел вывести студента первокурсника Валеру Гергиева, слишком шумно пристававшего к девочкам. А заодно вывели и нас.

Поезд в Ригу пришёл около девяти часов утра и, пересев на электричку, я уже через полчаса был в Юрмале и наслаждался морским бризом, крепким кофе и взбитыми сливками. Лёшу я нашёл в пансионате «Пумпури», как мы и договорились. На мою беду в пансионате не оказалось свободных мест, несмотря на все ухищрения по отношению к администратору с белыми кудрями. Одновременно с оркестром, там остановилась труппа московского «Современника» и простым гражданам советовали обращаться в частный сектор. Я решил оставить вещи у Алексея и посмотреть на всё это ближе к вечеру, когда подтянется мой приятель из Москвы – всемогущий Марик Крейчман.

Белый прибалтийский песок приятно похрустывал под ногами, то и дело осыпая разлэгшиеся под солнцем упругие тела, заставляя их раздраженно вскидывать головы и демонстрировать свои прелестные, не загримированные личики. Потревоженные, они лениво вставали и, виляя пышными хвостами, шли освежаться в прохладные волны Балтийского моря. Та часть широченного пляжа, которая называлась променадом, была твердой и ровной как асфальт и по ней было жестковато идти босиком. Но зато здесь струился в обе

стороны такой поток красоток, что голова уставала вертеться. И пока глаза любовались бёдрами проплывшей русалки, ты наталкивался на встречную пышную грудь и рассыпался в извинениях до тех пор, пока не узнавал её имя и отчество. Ну если всё понравилось обоим, можно было договориться и до того, где встретиться вечерком, чтобы... Чтобы что?

Марк Крейчман был моим приятелем второй год. Познакомила нас моя подруга Марина, когда мы случайно встретились в Сочи, спустившись с Чегета, и сразу прилипли друг к другу. Его беззлобные приколы, наталкивались на мои и мы хохотали до колик в животе, заражая смехом не только наших девчонок, но и всех прохожих в радиусе слышимости и видимости. Злобные сочинские аборигены, благосклонно реагиовавшие только на колыхающиеся груди приезжих москвичек, принимали нас за пьяных, разгулявшихся шахтёров и настойчиво предлагали свои чебуреки.

Сделав облёт акватории я приземлился в Пумпури и увидел Марка, беседовавшего с белокурой администраторшей кемпинга. Он держал её за руку и как будто делал ей предложение, которого она ждала всю свою недолгую счастливую жизнь. Марик был высоким, ладно скроенным евреем, наделённым от природы морем обаяния и щедрости. Сказать ему «нет» было не возможно. Да он ничего и не просил. Ему давали, умоляя взять.

Я остановился поодаль, ожидая, когда он закончит улаживать блондинку и тут же услышал его знакомый голос

– Ну что ты плачешь, большой ребёнок. Кроватка уже ждёт тебя. Пойдём помоем твои, по локоть в... в варенье ручки и... спать с тётенькой. Не хочешь? А тётя хочет. Тётю нужно пожалеть.

– Началось. Месяц отдыха с тобой на Рижском взморье и годы восстановительных процедур в психиатрической клинике.

– Там таких обжор не принимают. Ты же объешь всех сумасшедших вместе с персоналом.

Вечерняя, остывающая после жаркого дня, Рига принимала нас в объятия своих узеньких улочек и уютных кафе. Марик знал администратора «Современника» и мы постоянно заходили к ним на спектакли, но досмотреть хоть один из них до половины никогда не удавалось. Уже в первом антракте он не закрывая рта рассказывал любительницам драматического искусства, что будет дальше и они шли за ним как мыши, всё больше погружаясь в тёплую глубину его обаяния.

Дни шли за днями, перемежая своё однообразие шумными оргиями белых ночей. Отошла клубника. Взбитые сливки в «Лидо» стали подавать со смородинкой. Приехала новая смена красоток. Вода в море становилась всё прохладней. Лёша радостно сообщил мне, что сегодня они дают последний концерт и завтра отчаливают в Питер.

– Надо пойти послушать- вострепнулся я.

– Ну, конечно, надо. Мравинский дирижирует Пятую симфонию Шостаковича. Где ты ещё такое услышишь?!

– Нигде!

Марк мой порыв окунуться в классическую музыку не поддержал и пошел угощать сливками свою новенькую подружку, любительницу прекрасного. А я, чуть начало смеркаться, одел белые слаксы и пошёл в Дзинтари, настраивая себя на серьёзный лад. Под светлым вечерним небом концертный зал шуршал нейлоном и благоухал ароматом далёких островов «Фиджи». Минут через двадцать моя настроенность на серьёзный лад начала испаряться и я всё чаще прислушивался к шагам и звукам на улице. Не пережив серьёзных мыслей и звуков Дмитрий Дмитриевича я решил дождаться Лёшу на променаде у моря. Променад оживлённо шевелился вечерними юбками и пуловерами. Отдыхающие гуляли, плотно обвив друг друга руками, как сиамские близнецы. Я одиноко проплыл туда сюда и, наконец, радостно заметил толпу знакомых пиджаков. Почти весь оркестр, как бременские музыканты, неспешно плелись стайкой за Евгением Александровичем. Худой, стройный, в лёгких парусиновых штиблетах и белых льняных брюках он шёл вдоль берега чуть поодаль от своих музыкантов и, казалось, не был причастен к их компании. Изнывая от тоски я обрадовался, что могу с кем – то поболтать и посплетничать.

– Ну как тебе концерт? -спросил вполголоса Лёша.

– Скучища. Я не выдержал, ушёл.

Мравинский повернул голову, строго посмотрел на меня и... я заткнулся. Мы шли молча. Лёша посмотрел на меня

с какой – то жалостью, но говорить ничего не стал. Я почувствовал себя не в своей тарелке и, понемногу, начал отставать от компании.

Потом поотстал и поплёлся по берегу один. Солнце утонуло в море. Некоторое время по небу носились разноцветные сполохи – сиреневые, малиновые и золотистые. Потом всё стихло. На лазоревом небе засверкали бриллиантами звёзды. Открылась бездна. Сколько всего в ней было?!

Заснеженных холмов раздолье.

Простые крыши и дворы

Что-то мучительно земное

Мне Брейгель старший приоткрыл

Дневные хлопоты исчезли

В спокойной сущности картин

Весь мир вместивший в ноты Гендель

В полночной тишине царил...

Вспомнил я строчки, подаренные мне моим другом Аркашей Плотницким перед отъездом. Где – то он теперь?

Постепенно обида прошла. Я услышал крики чаек, шорох песка на ветру и ровный шум прибоя. Это была музыка уходящего дня. Кода.

Как проехать в Вильфранш

Страсть к путешествиям жила во мне с раннего детства. Когда мы проводили лето в Старом Петергофе самым желанным занятием был поход на Бельведер. Как только мы своим отрядом покидали территорию детского сада всё вокруг – цветы, поля, рощи, озёра – приобретало сказочные очертания. Это чувство живёт во мне всю жизнь.

Приехав в Бланес по туру и ни в чём не нуждаясь я быстро затосковал по путешествиям. Сначала я съездил в Барселону на корриду, потом на велосипеде проехал по шоссе вдоль берега моря. Необычайные красоты скалистых берегов манили меня всё дальше на север, на границу с Францией, в Перпиньян. В той же стороне находился Фигейрос, где жил когда то эпотажный Сальватор Дали. А потом я услышал рассказ туристов на пляже об их поездке в Андорру. Ездили они туда за дешёвым шмотьём и вернулись с набитыми мешками. Уже на следующий день я взял на прокат Пежо 406 и, подговорив соседку по столику в ресторане, бросился в путешествие.

Мельком взглянув на карту я решил убить двух зайцев, за пару часиков проехать в Андору по горной дороге, а возвращаться в Бланес через Перпиньян и по побережью моря. По карте крюк был не большой, но зато этот путь сулил больше приключений. Два раза по пути в Андорру я сворачивал не туда куда было нужно и оказывался в тихих горных по-

селениях испанцев, где жизнь протекала медленно и сладко, как густой пчелиный мёд. Горные пейзажи заставляли меня остановиться и полежать на склоне, любуясь живописными видами Испании. Часам к трём пополудни мы приехали в Андорру. Андорра как Андорра. Кто то когда то загнал людей высоко в горы и они здесь остались. Наслушавшись рокающей про низкие цены мы бросились в магазины, но быстро поостыли и пошли перекусить в ресторанчик. Вид на ущелье, снежные вершины и горный воздух возбуждали аппетит. В Андорре люди обедали тем же, что и все. Мы съели по бифштексу с овощами, но отказались от десерта и сказали андоррцам и испанцам «Адъёс».

По моим расчётам к ночи можно было добраться до Перпиньяна и провести там следующий день на пляже с говорливыми французами. На почтовой открытке я увидел форт, взбудораживший моё воображение. Решив, что кофе мы выпьем в кафе по дороге, я заправил свой Пежо бензином и нажал на акселератор. Стремительный бег моего болида продолжался не долго. Дорога начала петлять в горах такими виражами, подъёмами и спусками, что я сползал на тормозах как подросток в чужой дом. Притормозив в очередной деревушке, чтобы уточнить дорогу, я с удивлением обнаружил, что люди говорят на французском. Моя спутница, видимо проклиная тот час, когда согласилась со мной поехать, взмолилась о чашечке чёрного кофе, который ждала с самого обеда в Андоре. Мы зашли в местный ресторанчик и по-

просили кофе. Хозяйка ресторана, абсолютно опереточно-го вида толстушка, объяснила мне на чистом французском, что до Перпиньяна ехать часов десять. Я подумал, что слабо знаю французский, всё не так понял и допив наспех кофе бросился в путь.

По тому как заложило у нас уши, я догадался что мы поднялись высоко в горы. После перевала дорога жуткими петлями начала спускаться вниз. В свете моих фар я вовремя различал поворот и со скрипом тормозов зависал над зловещим обрывом. Спутница сладко спала. Долго ли коротко ли, но дорога выпрямилась и я, возблагодарив Господа, понёсся вперёд к Перпиньяну.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.